

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2025. Том 29, № 4
ЖУРНАЛИСТИКА

Научная статья

УДК 070.1

ББК 76.003

<https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-4-184-196>

К ИСТОРИИ СЛОВА «ЖУРНАЛИСТИКА» ВО ФРАНЦУЗСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Виталий Михайлович Виниченко

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Предпринимается попытка проследить историю появления слова «журналистика» в английском и французском языках с целью проверить утверждение английского социолога Ж. Челаби, что она является англо-американским изобретением. Проведенный анализ публикаций английской прессы начала 1830-х гг., в которых впервые встречается слово «журналистика», убедительно свидетельствует, что её можно было назвать французским изобретением как минимум за полвека до появления дискурсивных практик, лежащих в основе современной англо-американской журналистики.

Ключевые слова: *история журналистики, изобретение журналистики, journalism, journalisme*

Для цитирования: *Виниченко В. М.* К истории слова «журналистика» во французском и английском языках // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2025. Т. 29, № 4. С. 184–196. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-4-184-196>

Original article

ON THE HISTORY OF THE WORD “JOURNALISM” IN FRENCH AND ENGLISH

Vitaly M. Vinichenko

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. This article attempts to trace the history of the word “journalism” in English and French with the aim of critically evaluating the claim of the English sociologist J. Chalaby that it was an Anglo-American invention. The analysis of the articles in the English press of the early 1830s, where the word “journalism” first appeared, strongly suggests that it could have been called a French invention at least half a century before the emergence of discursive practices underlying modern Anglo-American journalism.

Key words: *history of journalism, invention of journalism, journalism, journalisme*

For citation: *Vinichenko, V. M.* (2025). On the history of the word “Journalism” in French and English. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 29, no. 4, pp. 184–196. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-4-184-196>

Введение

В 1996 г. на страницах «Европейского журнала коммуникаций» британский социолог Ж. Челаби назвал журналистику англо-американским изобретением второй половины XIX в. [Chalaby, 1996]. К подобному заключению его привёл сравнительный анализ французской и англо-американской прессы

1830–1920-х гг., продемонстрировавший, что англо-американские газеты того периода располагали более многочисленными и лучше организованными командами репортёров и зарубежных корреспондентов, благодаря чему могли предложить своим читателям гораздо больше информации и новостей по сравнению с их французскими аналогами.

Более того, именно английские и американские журналисты, по выводу Ж. Челаби, разработали дискурсивные практики, лежащие в основе современной журналистики в её западном понимании, такие как репортаж (reporting) и интервью. Будучи ориентированными на факты (fact-oriented), а не хронологическое повествование либо выражение определённых идей, эти стратегии не являются ни литературными, ни политическими по своей сути, что позволяет рассматривать журналистику в качестве автономной области дискурсивного производства и самостоятельной профессии.

Один из доводов Ж. Челаби в поддержку тезиса об англо-американском лидерстве в «изобретении» журналистики носит этимологический характер: *«В 1870-х гг., когда ежедневные парижские газеты начинают нанимать репортёров на постоянной основе, для этой новой разновидности журналистов было позаимствовано английское слово. Одно из первых определений, датированное 1836 г., характеризует репортёра как представителя английских журналистов, разновидность клерка, считающего своим долгом делать заметки о событиях по мере того, как они происходят, и имеющего странное обыкновение „расценивать факты как факты“, то есть сообщать о них без комментариев»* (здесь и далее перевод наш) [Chalaby, 1996, p. 309].

Вторым аналогичным примером выступает слово «интервью». *«Как и в случае с термином „репортёр“, английское слово „интервью“ появилось во французском языке, когда подобная практика была позаимствована из Соединённых Штатов. Согласно историческому словарю французского языка, оно впервые зафиксировано во французском языке в 1884 г.»* [Chalaby, 1996, p. 312].

Было бы логично продолжить данную линию аргументации обращением к этимологии слова *journalism*, но её Ж. Челаби обходит молчанием, поскольку здесь мы сталкиваемся с примером, противоречащим его основному тезису. Хорошо известно, что английский термин *journalism* представляет собой заимствование из французского [URL: <https://www.etymonline.com/word/journalism>], вошедшее в оборот в 30-х гг. XIX в.

Цель и методы исследования

Что же породило необходимость в подобном заимствовании, если, как утверждает Ж. Челаби, журналистика и в самом деле является англо-американским изобретением? Этот закономерный вопрос предопределил цель настоящей статьи — проанализировать историю появления слова *journalisme* во Франции, а также причины и обстоятельства его проникновения в английский язык и тем самым проверить тезис Ж. Челаби об англо-американском лидерстве в изобретении журналистики.

Первичным эмпирическим материалом для этого послужил ряд публикаций английской прессы первой половины XIX в., вторичным — ряд современных научных исследований, посвящённых развитию французской и английской прессы XVIII–XIX вв.

Основными методами исследования выступают метод историзма, предполагающий изучение процесса развития общественных явлений в их взаимодействии с другими объектами и феноменами своего времени, а также общенаучные методы сравнения, анализа, синтеза и интерпретации.

Французская пресса при Старом порядке

Американская исследовательница Б. Зелизер, ссылаясь на французского социолога А. Маттеларта, утверждает, что термин «журналистика» впервые использовал в 1700-х гг. Д. Дидро применительно к «трудам сообщества учёных» (*work of society of scholars*) [Zelizer, 2004, p. 22]. Однако это не совсем так. В книге «Изобретение коммуникации» [Mattelart, 1996] А. Маттеларт действительно упоминает несколько словарных статей знаменитой «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремёсел» Дидро и Д'Аламбера. Одна из них, предположительно принадлежащая перу Дидро, посвящена журналам (*Journal*). Её анонимный автор отмечал, что некоторые из них представляют собой «подборку записок, подготовленных учёными, входящими в различные научные сообщества»¹ [Encyclopédie, ou Dictionnaire ..., 1765, p. 896]. Именно этот оборот переведён на страницах книги А. Маттеларта как *work of society of scholars* [Mattelart, 1996, p. 34]², но ни он сам, ни автор статьи в «Энциклопедии» не использовали в данном случае термин «журналистика».

Этимологические словари французского языка датируют появление слова *journalisme* 1778 либо 1781 г. [Hatzfeld, Darmesteter, 1880, p. 1356], хотя немецкому исследователю из Гёттингенского университета Х. Маттауху удалось обнаружить гораздо более ранний и довольно интересный пример его использования. В своей статье он привёл следующую цитату, с помощью которой автор *Journal littéraire* в 1705 г. пытался оградить себя от нападков авторов, чьи произведения подверглись критике на его страницах: «Они были недовольны тем, что своими суждениями о литературных произведениях, краткое содержание которых я привожу, я заставляю авторов почувствовать свои недостатки; но они должны понимать, что я не могу, не предавая своей совести и не отступая от установленных в журналистике законов, освободить себя от этой обязанности» [Mattauch, 1967, p. 311].

Данная цитата предвосхитила противоречие, в полной мере проявившееся полвека спустя на страницах «Энциклопедии». П. Бенхаму, профессор Университета Пердью, попытавшийся в 1986 г. проанализировать отношение французских энциклопедистов к современной прессе³, пришёл к выводу о его откровенно «консервативном и даже реакционном характере ... их нежелании

¹ В оригинале — *des collections de mémoires faits par les savans qui composent ces différentes sociétés savantes*.

² Насколько можно судить, изданной в 1994 г. монографии А. Маттеларта «Изобретение коммуникаций» (*L'invention de la communication*) не повезло с английским переводом. Если с попыткой передать содержание вышеупомянутой французской фразы более кратким английским оборотом ещё можно смириться, то перевод названия словарной статьи JOURNAL как Newspaper совершенно не соответствует действительности. Газетам в «Энциклопедии» посвящена написанная Вольтером словарная статья GAZETTE в седьмом томе [Encyclopédie, ou Dictionnaire ..., 1757, p. 534–535].

³ С этой целью П. Бенхаму выделил ряд словарных статей «Энциклопедии», имеющих прямое отношение к понятиям «журнал» и «журналист». В их число вошли *Affiche* («Афиша») (в XVIII в. афишами называлась значительная часть французских провинциальных газет, основную часть содержания которых составляли всевозможные объявления [Соломонов, 2003, с. 13]), *Aristarque* («Аристарх») (в значении «критик»), *Critique* («Критика»), *Ecclesiastiques* («Священнослужитель»), *Extrait* («Выдержка»), *Gazette* («Газета»), *Hebdomadaire* («Еженедельник»), *Journal* («Журнал»), *Journaliste* («Журналистика»), *Mercure* («Меркурий») и *Periodique* («Периодический»). Термин «журналистика» (*Journalisme*) на страницах «Энциклопедии» отсутствует.

смириться с её стремлением перейти от рутинного освещения событий к влиянию на общественное мнение» [Benhamou, 1986, p. 410]. Причиной как раз и выступали далеко не всегда благосклонные отзывы журналистов о произведениях литераторов и философов, к числу которых принадлежали энциклопедисты.

*«Одна из особенностей судьбы „Энциклопедии“ заключалась в том, что она появилась в тот самый период, когда энергичные комментарии становились неотъемлемой чертой прессы, превращавшейся в новый фактор влияния на культурную жизнь. И если журналисты зачастую занимали враждебную позицию к статьям и идеям, высказанным на страницах „Энциклопедии“ и в других работах философов, то и энциклопедисты отвечали тем же. Единственной разновидностью журналистики, которую они принимали, была избегавшая суждений журналистика *Journal des savants*. Их реакция расхождалась с позицией большинства современников, приветствовавших „новую журналистику мнений“»* [Benhamou, 1986, p. 416].

Враждебное отношение со стороны энциклопедистов к прессе дополнялось не менее враждебной позицией государства. Как писал по этому поводу один из крупнейших знатоков французского Просвещения американский профессор Р. Дарнтон, *«информация о внутренних механизмах власти не должна была распространяться во Франции при Старом порядке. Политика была уделом короля, „королевской тайной“, подобное утверждение основывалось на взглядах позднего Средневековья и Ренессанса, когда государственное управление рассматривалось как *ars imperii*, тайное искусство, доступное только монархам и их советникам»* [Darnton, 2000, p. 4]. В результате возникло и постоянно углублялось *«базовое противоречие между публикой, жаждущей новостей, с одной стороны, и государством с его абсолютистской формой правления — с другой»*, вследствие чего *«по сравнению с Голландией, Англией и Германией [французская] пресса оставалась несвободной и недоразвитой»* [Darnton, 2000, p. 7].

У этого противоречия было и ещё одно следствие, пронизательно подмеченное А. Токвилем и ярко проявившееся на начальном этапе Великой французской революции: *«политическая жизнь была насильственно вытеснена в литературу, и писатели, взяв на себя руководство общественным мнением, в какой-то момент оказались на том месте, которое в свободных странах обычно занимают партийные вожди»* [Токвиль, 2008, с. 129].

«Одна ветвь санкюлотизма, которая не может не расцвести»

Хорошо известно, что начало Великой французской революции радикально изменило положение печати. Прежде всего это отразилось в цифрах: *«Революция ... привела к взрывному росту числа изданий. Вплоть до весны 1889 г. распространялось очень небольшое количество газет и журналов, но после июльских событий их число начинает быстро возрастать. К концу года их было около 180, а в 1790 г. — уже 335. Первая волна новых изданий последовала за штурмом Бастилии, вторая была связана с октябрьскими событиями, третья сопровождала рост политической активности в 1791 г. Многие из этих изданий выходили очень короткое время либо исчезали после первого номера, но даже если принять во внимание лишь те газеты и журналы, кото-*

рые продолжали выходить в течение более продолжительного периода, то всё равно их число представляется удивительным»¹ [Wilke, 1989, p. 386–387].

«Однако значимость периодических изданий была обусловлена не реальным числом их читателей и не характером воздействия на них. Среди прочих медиа эпохи революции именно они выступали олицетворением и синонимом „граждан“, от лица которых совершались все революционные действия, но которые [физически] не могли собраться и высказаться в одном конкретном месте. Без прессы ... не существовало бы постоянной связи общественности с её представителями, без неё у депутатов не было бы возможности утверждать, что их действия являются выражением воли народа» [Popkin, 1990, p. 4].

Иными словами, пресса выступала источником легитимности революционных вождей. Она стала необходимым элементом новой политической системы. Более того, дело выглядело так, словно пресса сама превратилась в её главную движущую силу. «Самой поразительной и инновационной особенностью этого взаимодействия, отличающего революционные газеты от их предшественниц времён Старого порядка, была их роль в инициации и руководстве действиями, которые привели к знаменитым „революционным дням“ (*revolutionary journées*). Журналисты того времени писали так, словно газеты создавали сценарии и рекомендации, призванные подготовить актёров на сцене революции к их ролям. В некоторых случаях эти призывы к действию были удивительно подробными и точными» [Popkin, 1990, p. 136]. Неслучайно на Марата зачастую возлагают вину за печально знаменитые «сентябрьские расправы» 1792 г., а Эбера считают ответственным за ряд акций санкюлотов в 1793 г. [Popkin, 1990, p. 136].

Современным историкам подобные утверждения представляются заметно преувеличенными², но в глазах современников угроза, исходящая от неподконтрольной прессы, выглядела более чем реальной. Для многих из них пресса, по крайней мере в определённых социальных условиях, выступала реальным и довольно опасным катализатором деструктивных настроений в низших слоях общества. «Есть одна ветвь санкюлотизма, которая не может не расцвести, — это журнализм³», — писал один из наиболее известных британских историков Великой французской революции Т. Карлейль [Карлейль,

¹ Естественно, перемены не ограничились только численными показателями. «После того как революция достигла своего пика, изменились как структура, так и содержание французской прессы. Освещение зарубежных событий, монополизированное старыми изданиями (такими как *Gazette*), резко сократилось, сообщения о внутренних событиях, особенно в Париже, напротив, приобретают большее значение. Пресса переориентировалась на внутренние события в никогда прежде невиданной степени, в особенности на проблему реорганизации управления нацией. С теоретической точки зрения удалённость уступает место близости в качестве решающего критерия информационной значимости события» [Wilke, 1989, p. 387].

² «Механистическое понимание газетного влияния в стиле „причина — эффект“, лежащее в основе подобных споров, и сложность оценки весомости слов на фоне воздействия социальных и экономических факторов выливаются в отвлечённые дебаты о роли прессы, обычно завершающиеся констатацией приоритета основополагающих социальных сил и признанием за прессой лишь второстепенного влияния на течение событий и их последовательность» [Popkin, 1990, p. 136].

³ В русском издании Карлейля для перевода слова *journalism* используются два разных термина: «журналистика» и «журнализм». В оригинале подобная разница отсутствует: *One Sansculottic bough that cannot fail to flourish is Journalism* [Carlyle, 1838, p. 304].

1991, с. 201]. В его понимании санкюлотизм¹ — «это перманентная борьба с „врагами народа“ и выведение на повестку дня вопросов базового обеспечения потребностей населения в форме форсированного перераспределения благ. Карлейль пишет: санкюлотизм растет от того, от чего другие умирают — от раздоров, разрухи и голода. Но, продолжает он, анархия, зло и несправедливость не могут продолжаться долго <...> перманентно конфликтное состояние общества и вычесывание врагов ведут к формированию усталости и апатии уже при жизни одного поколения, в результате чего выстроенное при помощи террора здание падает, а общество разлагается» [Подольский, 2013, с. 152].

Практическим подтверждением реальности исходящей от прессы угрозы в глазах современников служат действия Наполеона после прихода к власти [Тарле, 2001], а также ведущих английских и американских политиков. По свидетельству английского историка журналистики Б. Кларка, причиной, побудившей британского премьер-министра У. Питта-младшего повысить гербовый сбор в 1789 г. с полутора до двух, а в 1797 г. — до трёх с половиной пенсов, было стремление оградить от влияния газет новый, порождённый индустриальной революцией слой грамотных рабочих, симпатизировавших идеям Великой французской революции [Clarke, 2004, p. 241].

Неменьшие опасения возможность повторения кровавых событий Великой французской революции вызывала и по другую сторону океана. Именно они, по утверждению известного американского историка медиаправа Д. Пембера, стали одной из двух основных причин, побудивших Конгресс США принять в 1798 г. печально известные законы «Об иностранцах» и «О подстрекательстве к мятежу» [Pember, 1996, p. 47], на основании которых были осуждены редакторы 8 поддерживавших Республиканскую партию Т. Джефферсона газет [Pember, 1996, p. 48].

Таков социально-политический контекст, в котором французское слово *journalisme* входит в широкий оборот во Франции и начинает проникать в языки других стран. «Французское по происхождению, поначалу оно означало журналистику мнений, достигшую расцвета в годы после революции. Проникшее в английский язык около 1830 г., это слово по-прежнему подразумевало партийные дебаты по поводу общественных проблем и имело негативную коннотацию признака политической дисфункции» [Barnhurst, Nerone, 2009, p. 19].

«Худшая разновидность деспотии»

Отмеченная К. Барнхарстом и Дж. Нероне негативная коннотация признака политической дисфункции отчётливо просматривается в одном из наиболее ранних примеров использования слова *journalism* в английском языке. Выступая по поводу внесённого в британский парламент в мае 1831 г. проекта об избирательной реформе, родившегося под влиянием революционных событий в соседней Франции, один из ведущих английских политиков Р. Пиль заявил: «Если законопроект, предложенный министерством, будет принят, он установит самую худшую и отвратительную разновидность деспотии — деспотию демагогов — деспотию журналистики, ту деспотию, которая

¹ В современной научной литературе термин «санкюлотизм» встречается нечасто, поскольку явление, с которым он ассоциируется, «уже почти забыто или вспоминается только как синоним якобинства, с которым оно слилось во II году» [Хобсбаум, 1999, с. 94].

поставила соседние страны, некогда счастливые и процветающие, на самый край разорения и отчаяния»¹ [Цит. по: Guizot, 1857, p. 54].

Утверждение Р. Пиля немедленно вызвало критическую реакцию противоположного лагеря. «*Не раз и не два в течение этой сессии мы слышали, как пресса, обозначаемая термином „журналистика“, выступала предметом различных презрительных насмешек. Ее обвиняли в том, что она привела к недавнему изгнанию Бурбонов из Франции и взбудоражила другие страны примером французов. Можно лишь сожалеть о той глупости, которая порицает источник национального блага в чужой стране, поскольку, вдохновленные этим примером, другие нации могут попытаться избавиться от притеснений, которым они подвергаются. Если именно в этом заключается преступление „журналистики“, то ей не следует опасаться порицания со стороны добродетельных и свободных [людей]. Истина состоит в том, что „журналистика“ помогает [защите] прав людей и исправлению злоупотреблений; а поэтому она выступает объектом враждебности со стороны тех, кто наживается на подобных злоупотреблениях; в этом причина порицаний, которым её подвергают [тори] начиная с его светлости герцога Ньюкасла...*» [The Reform Bill ... , 1831, p. 229].

По другую сторону океана некоторые отклики носили не просто критический, а язвительно-саркастический характер: «*Даже хладнокровный, отличающийся самообладанием и уравновешенностью сэр Роберт Пиль, по видимому, вышел из себя и, поддавшись влиянию момента, открыл совершенно новый вид деспотии — деспотию журналистики! Сэр Роберт явно придерживается мнения, что если Билль о реформе будет принят, то Англией будут править не короли, что она окажется ввергнута в деспотию нечистых [devils]! — но не пугайся, любезный читатель, сэр Роберт имеет в виду всего лишь учеников печатника [printer's devil]. Не Маммона, не героя поэмы Мильтона, не великого Сатану и даже не Асмодея, Люцифера или одного из бесов Лесажа, а кучку маленьких чертенят с грязными носами и пальцами в чернилах, являющихся порождением газет и выросших на чердаках их типографий...*» [Parliamentary Reform, 1831, p. 67–68].

Анализ полемики по поводу ремарки Р. Пиля, развернувшейся в 1831 г. на страницах британских журналов, указывает на два очевидных момента. Во-первых, его попытка придать термину *journalism* негативную коннотацию деструктивного начала, выступающего угрозой общественному благу, не увенчалась успехом.

Во-вторых, слово *journalism* в этот период использовалось главным образом в качестве синонима понятий «пресса» и «газеты». «*Мы продолжаем нашу статью о газетной прессе Эдинбурга и Глазго описанием провинциальной прессы Шотландии, предлагая тем самым полный обзор того, что Роберт*

¹ Любопытно отметить, что сохранилось несколько вариантов данной цитаты из выступления Р. Пиля. Приведённый выше взят из «Воспоминаний о Роберте Пиле» М. Гизо, и он практически совпадает с тем, который можно отыскать в протоколах заседаний палаты общин британского парламента [House of Commons Hansard, 1831]. А вот в подаче американского журнала *American Quarterly Review* этот фрагмент выглядит несколько иначе, в нём присутствует прямое указание на иностранный характер слова *journalism*: «*Я заявляю, — сказал сэр Роберт, — о своей твёрдой уверенности в том, что воцарится худшая разновидность деспотии; деспотии демократии. <...> Деспотизм подобного рода сопровождается — используя иностранное слово — деспотизмом журналистики, той журналистики, которая привела другие благополучные страны к анархии и разрушению*» [Parliamentary Reform, 1831, p. 68].

Пиль назвал бы „журналистикой“ в этой части острова» [Scottish Provincial ... , 1833, p. 199].

Эта полемика, по всей видимости, послужила катализатором для осознания того, что английские и французские газеты постепенно превращались в нечто большее, нежели средство распространения новостей и барометр общественных настроений. *«Говорят, что газеты благопристойны и у них нет никакой власти; что они всего лишь рупор общественности. В этом есть доля правды, но это не вся правда; сила журналистики заключается не только в том, что она выражает общественное мнение, она облегчает общение и порождает солидарность, превращая то, что они [газеты] выражают, в общественное мнение. Там, где люди разобщены, их легко угнетать; ... когда возникает возможность обмена мнениями без личного общения, люди становятся единой массой, дышащей в унисон и пронизанной единым духом, их мощь возрастает в степени, для которой трудно определить меру или предел. Журналистика выполняет эту функцию...» [Monthly Commentary, 1831, p. 487].* Видимо, подобное осознание и породило потребность в новом термине, которому едва ли удалось бы закрепиться в английском языке, если бы он не нёс в себе новой смысловой нагрузки.

Удачный термин для того, что он подразумевает

«„Журналистика“ — удачный термин для того, что он подразумевает; по меньшей мере он лаконичен и, войдя в обращение, будет лишен иных значений. Новое слово совершенно необходимо <...> Обмен мнениями и сведениями, который осуществляется в Англии и других странах посредством газет и журналов, слишком важен, чтобы оставаться без названия, и данный термин прекрасно подойдёт» [Du Journalisme, 1833, p. 195]. Первую фразу этой цитаты приводит в качестве одного из наиболее ранних примеров использования слова *journalism* в английском языке «Оксфордский словарь английского языка» [Stephens, 2014, p. 31–32]. С неё начинается 13-страничное анонимное эссе, опубликованное на страницах известного британского журнала *Westminster Review* в 1833 г. Оно представляет собой отклик на одноименную статью *Du journalisme*, появившуюся годом ранее во французском журнале *Revue Encyclopédique* и принадлежащую перу известного парижского юриста и журналиста А. Сен-Шерона [Saint-Cheron, 1832].

Опубликованное в *Westminster Review* эссе можно разделить на две неравные части: первая представляет собой попытку сравнения английской и французской прессы, а вторую, значительно большую по объёму, занимает критический анализ английских газет того времени. Знакомство с ним производит удивительное впечатление: все выделенные Ж. Челаби «преимущества» англо-американской прессы, такие как больший объём номера, большее число репортёров и даже ориентация на факты, уже налицо, вот только расцениваются они автором не как достоинства, а как недостатки, наглядно проявляющиеся при сравнении с французскими газетами.

Анонимного автора *Westminster Review* трудно заподозрить в недостатке патриотизма. Он сразу же саркастически отмечает утверждение А. Сен-Шерона, что французы в силу своего национального характера выступают нацией, в наибольшей степени обладающей тягой к журналистике: *«Можно полагать, что Англия в неменьшей степени предрасположена к журналистике, чем любая другая часть света; а что касается одарённости природы, то, по всей вероятности, ни одна страна не превзойдёт Британские острова по количеству любопытных людей (quidnuncs)» [Du Journalisme, 1833, p. 195–196].*

Тем не менее сравнение журналистики во Франции и Англии позволяет пролить важный свет на состояние британских газет. И первое разительное различие касается социального статуса французских и английских журналистов: *«Быть журналистом во Франции ... означает быть заметным человеком, быть редактором — значит быть человеком, обладающим влиянием; звание журналиста подразумевает наличие образования, характера и, предположительно, бескорыстного энтузиазма; в любом случае в глазах общественного мнения это выступает сочетанием качеств, достойных уважения»* [Du Journalisme, 1833, p. 195]. Напротив, в Англии *«[э]та профессия, если о ней станет известно, неизбежно приведёт к исключению её владельца из многих кругов общества, будучи только заподозренным, этот факт закроет двери крупнейшим, если не лучшим, домов перед несчастным автором общественных наставлений»* [Du Journalisme, 1833, p. 195].

Прямо вытекающая из этого анонимность английской журналистики выступает для автора эссе одним из трёх основных недостатков британских газет. Оставшиеся два — значительный объём номера и монополистический характер прессы — имели общую первопричину: гербовый сбор.

«Максимальный размер сбора с французских газет не превосходит половины пенса; в Англии его размер в десять раз больше, чем во Франции. „Налог на знание“, как его часто называют в Англии, вынуждает выпускать газеты огромного объёма. Если газета будет меньше, размер [гербового] сбора останется прежним и подписчики будут жаловаться, что они получают слишком мало за свои деньги ... В то же самое время у редактора парижской газеты не больше места, чем он способен с легкостью заполнить самостоятельно и с помощью своих основных авторов; он готов отвечать за каждую строку в своём издании» [Du Journalisme, 1833, p. 198].

Избыток печатной площади вынуждал издателей английских газет заполнять его самыми неприятными способами: *«самая скандальная часть [содержания] лондонской прессы — это та, которую обеспечивают репортёры, кочующие поставщики сведений о происходящем в полиции, об инцидентах и правонарушениях [рассматривающихся] в судах низшей, а иногда и высшей инстанции. Способ, которым оплачивается этот поток информации, прямо стимулирует многословие, а вместе с ним и ложь. <...> Абсурдный стиль, плохой английский и курьёзная фразеология, характерные для множества коротких и длинных абзацев, которые можно обнаружить в утренней газете, и зачастую выступающие предметом насмешек, полностью являются детищем тех поставщиков новостей, на которых в основном полагаются газеты для ежедневного снабжения фактами, как их иронично называют. Человек, получающий по пенни за строчку (реппу-а-лине мен), обычно выступает лицом, плохо подходящим для освещения общественных событий, поскольку не имеет образования хорошего лакея»* [Du Journalisme, 1833, p. 199].

Для автора Westminster Review вовсе не эта основанная на фактах новостная информация выступает сутью журналистики. В английской прессе *«можно обнаружить крайне мало того, что являлось бы прямым результатом размышлений образованного и интеллигентного человека. Объём того, что можно назвать „литературным творчеством“, в утренней лондонской газете в лучшем случае равен и уж точно не превосходит его объёма в обычном парижском издании»* [Du Journalisme, 1833, p. 199].

В силу этого английские газеты малопригодны для выполнения основного предназначения прессы: выступать источником общественных наставлений (public instruction). По мнению автора, это мог подтвердить *«любой,*

ставший свидетелем череды событий и следующим утром прочитавший отчёт о них в ежедневной газете. Каждая строка несёт на себе отпечаток спешки, безразличия, неточности; и что ещё важнее, само появление такого отчёта зависит от [наличия] времени и печатной площади; если отчёт не готов сию минуту, если другой предмет отвлечёт внимание главного редактора, произошедшее будет предано забвению. Таким образом, судьба информации и сведений зависит не от их важности для общественного блага, а от количества квадратных дюймов в утренней газете» [Du Journalisme, 1833, p. 201].

Но у этого автора нет никаких сомнений, что французские газеты хотя и не идеальны, но «в области информации, стиля, тона и всего, что можно назвать манерами, они намного превосходят наши собственные» [Du Journalisme, 1833, p. 198]. Для него совершенно очевидно журналистика выступала французским «изобретением» и моделью, достойной подражания. Её различные компоненты в этот период активно заимствовались прессой других стран, о чём, по замечанию Э. Хобсбаума, свидетельствуют слова *journalism* и *publicity* в английском языке, *Reklame* и *Annonce* – в немецком [Хобсбаум, 1999, с. 184].

Заключение

И всё же, несмотря на сказанное выше, в словах Ж. Челаби есть определённая доля истины: во второй половине XIX в. в Англии и США была изобретена новая модель журналистики – англо-американская, или островная. В дальнейшем она действительно оказала заметное влияние на прессу многих других стран мира, но едва ли можно вести речь о том, что она заменила собой все другие модели, в том числе сформировавшиеся до неё. Свидетельством тому может служить, например, известное исследование [Hallin, Mancini, 2004], в котором в результате изучения 18 стран Европы и Северной Америки выделено три модели медиасистем: поляризованная плюралистическая, демократическая корпоративная и либеральная североатлантическая, отличающиеся, помимо прочего, разным пониманием журналистского профессионализма и иерархией профессиональных норм.

Список источников

- Карлейль Т. История Французской революции. М.: Мысль, 1991. 575 с.
- Подольский В. А. Оценка социальной подоплеку революций английскими консерваторами XIX века // Политико-философский ежегодник. М.: ИФ РАН, 2013. Вып. 6. С. 143–168.
- Соломонов Ю. Ю. Региональная пресса Франции. История и секреты успеха ежедневных газет. М.: РИП-холдинг, 2003. 136 с.
- Тарле Е. В. Печать во Франции при Наполеоне I // История печати : антология. М.: Аспект Пресс, 2001. Т. 2. С. 367–434.
- Токвиль А. Старый порядок и революция. СПб.: Алетейя, 2008. 248 с.
- Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789–1848. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 480 с.
- Barnhurst K., Nerone J. Journalism history // The Handbook of Journalism Studies. N. Y.; London: Routledge, 2009. P. 17–28.
- Benhamou P. The Periodical Press in the Encyclopédie // The French Review. 1986. Vol. 59, iss. 3. P. 410–417.
- Carlyle T. The French Revolution: A History: in 3 vols. Boston: James Fraser, 1838. Vol. 1. 422 p.
- Chalaby J. Journalism as an Anglo-American Invention: A Comparison of the Development of French and Anglo-American Journalism, 1830s-1920s // European Journal of Communication. 1996. Vol. 11, iss. 3. P. 303–326. <https://doi.org/10.1177/0267323196011003002>

Clarke B. From Grub Street to Fleet Street: An Illustrated History of English Newspapers to 1899. Aldershot; Hants; Burlington: Ashgate, 2004. 283 p.

Darnton R. An Early Information Society: News and the Media in Eighteenth-Century Paris // The American Historical Review. 2000. Vol. 105, iss. 1. P. 1–35. <https://doi.org/10.2307/2652433>

Du Journalisme. Art. 1. Revue Encyclopedique. Publiée par MM. H. Carnot et P. Leroux. Paris. Septembre, 1832 // Westminster Review. 1833. Vol. 18, iss. 35. P. 195–208.

Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Paris: Briasson, 1765. T. 8. 936 p.

Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Paris: Briasson, 1757. T. 7. 1030 p.

Guizot M. Memoirs of Sir Robert Peel. London: Bentley, 1857. 398 p.

Hallin D., Mancini P. Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 342 p.

Hatzfeld A., Darmesteter A. Dictionnaire général de la langue française. Du commencement du XVII siècle jusqu'à nos jours. En 2 volumes. Paris: Librairie Ch. Delagrave, 1880. Vol. 2. 2272 p.

House of Commons Hansard [Электронный ресурс]. 22 April 1831. Vol. 3. P. 1822. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1831/apr/22/prorogation-of-parliament> (дата обращения: 14.03.2024).

Mattauch H. A Contribution to the Early History of the Terms “Journaliste” and “Journalisme” // Romance Notes. 1967. Vol. 8, iss. 2. P. 310–314.

Mattelart A. The Invention of Communication. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. 349 p.

Monthly Commentary // The New Monthly Magazine and Literary Journal. London: Henry Colburn and Richard Bentley, 1831. Part 2. P. 487–496.

Parliamentary Reform // American Quarterly Review. 1831. Vol. 10. P. 48–68.

Pember D. Mass Media Law. Dubuque: Brown & Benchmark, 1996. 592 p.

Popkin J. D. Revolutionary News: The Press in France, 1789–1799. Durham: Duke University Press, 1990. 217 p.

Saint-Cheron A. Du journalisme // Revue Encyclopédique. Publiée par M. H. Carnot et P. Leroux. Paris, 1832. T. 55. P. 533–553.

Scottish Provincial Newspaper Press // The Metropolitan Magazine. 1833. Vol. 7. P. 199–206.

Stephens M. Beyond News: The Future of Journalism. N.Y.: Columbia University Press, 2014. 234 p.

The Reform Bill and the Lords // The Metropolitan: A Monthly Journal of Literature, Science, and the Fine Arts. London: James Cocrane and Co., 1831. P. 217–229.

Wilke J. History as a Communication Event: The Example of the French Revolution // European Journal of Communication. 1989. Vol. 4, iss. 4. P. 375–391. <https://doi.org/10.1177/0267323189004004002>

Zelizer B. Taking Journalism Seriously: News and the Academy. Thousand Oaks: SAGE Publications, 2004. 286 p.

References

Barnhurst, K. and Nerone, J. (2009). Journalism history. *The Handbook of Journalism Studies*. N. Y., London, Routledge, pp. 17–28.

Benhamou, P. (1986). The Periodical Press in the Encyclopédie. *The French Review*, vol. 59, iss. 3, pp. 410–417.

Carlyle, T. (1838). *The French Revolution: A History*. in 3 vols. Boston, James Fraser, vol. 1, 422 p.

Carlyle, T. (1991). *The French Revolution: A History*. Moscow, Thought, 575 p. (In Russian).

- Chalaby, J. (1996). Journalism as an Anglo-American Invention: A Comparison of the Development of French and Anglo-American Journalism, 1830s-1920s. *European Journal of Communication*, vol. 11, iss. 3, pp. 303-326. <https://doi.org/10.1177/0267323196011003002>
- Clarke, B. (2004). *From Grub Street to Fleet Street: An Illustrated History of English Newspapers to 1899*. Aldershot, Hants, Burlington, Ashgate, 283 p.
- Darnton, R. (2000). An Early Information Society: News and the Media in Eighteenth-Century Paris. *The American Historical Review*, vol. 105, iss. 1, pp. 1-35. <https://doi.org/10.2307/2652433>
- Du Journalisme (1833). Art. 1. *Revue Encyclopedique*. Publiée par M. H. Carnot et P. Leroux. Paris. Septembre, 1832. *Westminster Review*, vol. 18, iss. 35, pp. 195-208.
- Encyclopedia, or reasoned Dictionary of sciences, arts and crafts* (1765). Paris, Briasson, vol. 8, 936 p. (In French).
- Encyclopedia, or reasoned Dictionary of sciences, arts and crafts* (1757). Paris: Briasson, vol. 7, 1030 p. (In French).
- Guizot, M. (1857). *Memoirs of Sir Robert Peel*. London, Bentley, 398 p.
- Hallin, D. and Mancini, P. (2004). *Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 342 p.
- Hatzfeld, A. and Darmesteter, A. (1880). *General dictionary of the French language. From the beginning of the 17th century to the present day*. in 2 vols. Paris, Bookshop Ch. Delagrave, vol. 2, 2272 p. (In French).
- Hobsbawm, E. (1999). *The Age of Revolution: Europe 1789-1848*. Rostov-on-Don, Phoenix, 480 p. (In Russian).
- House of Commons Hansard* (1831), vol. 3, p. 1822. Available at: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1831/apr/22/prorogation-of-parliament> (accessed 14 March 2024).
- Mattauch, H. (1967). A Contribution to the Early History of the Terms “Journaliste” and “Journalisme”. *Romance Notes*, vol. 8, iss. 2, pp. 310-314.
- Mattelart, A. (1996). *The Invention of Communication*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 349 p.
- Monthly Commentary (1831). *The New Monthly Magazine and Literary Journal*. London, Henry Colburn and Richard Bentley, part 2, pp. 487-496.
- Parliamentary Reform (1831). *American Quarterly Review*, vol. 10, pp. 48-68.
- Pember, D. (1996). *Mass Media Law*. Dubuque, Brown & Benchmark, 592 p.
- Podolsky, V. A. (2013). Assessment of the Social Background of the Revolutions by English Conservatives of the 19th Century. *Political and Philosophical Yearbook*. Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, iss. 6, pp. 143-168. (In Russian).
- Popkin, J. D. (1990). *Revolutionary News: The Press in France, 1789-1799*. Durham, Duke University Press, 217 p.
- Saint-Cheron, A. (1832). Journalism. *Encyclopedic Review*. Published by M. H. Carnot and P. Leroux. Paris, vol. 55, pp. 533-553. (In French).
- Scottish Provincial Newspaper Press (1833). *The Metropolitan Magazine*, vol. 7, pp. 199-206.
- Solomonov, Yu. Yu. (2003). *The Regional Press of France. The History and Secrets of Daily Newspapers' Success*. Moscow, RIP-holding, 136 p. (In Russian).
- Stephens, M. (2014). *Beyond News: The Future of Journalism*. N.Y., Columbia University Press, 234 p.
- Tarle, E.V. (2001). Printing in France under Napoleon I. *The History of Printing: An Anthology*. Moscow, Aspect Press, vol. 2, pp. 367-434. (In Russian).
- The Reform Bill and the Lords (1831). *The Metropolitan: A Monthly Journal of Literature, Science, and the Fine Arts*. London, James Cocrane and Co., pp. 217-229.
- Tocqueville, A. *The Old Regime and the Revolution*. St. Petersburg, Alethea, 248 p. (In Russian).
- Wilke, J. (1989). History as a Communication Event: The Example of the French Revolution. *European Journal of Communication*, vol. 4, iss. 4, pp. 375-391. <https://doi.org/10.1177/0267323189004004002>

Zelizer, B. (2004). *Taking Journalism Seriously: News and the Academy*. Thousand Oaks, SAGE Publications, 286 p.

Сведения об авторе

Виниченко Виталий Михайлович — канд. филол. наук, доцент кафедры журналистики, vitalyv@sfedu.ru

Information about the Author

Vitaly M. Vinichenko — Ph.D. in Philology, associate professor of the Department of Journalism, vitalyv@sfedu.ru

Статья поступила в редакцию 27.06.2025; одобрена после рецензирования 18.09.2025; принята к публикации 18.09.2025.

The article was submitted 27.06.2025; approved after reviewing 18.09.2025; accepted for publication 18.09.2025.